

Тихомиров П. В. [Рец. на:] Троицкий И. Г. Грамматика еврейского языка. СПб., 1897 // Богословский вестник 1898. Т. 1. № 1. С. 136–143 (2-я пагин.).

„Грамматика еврейского языка“ проф. И. Г. Троицкого.

Въ русской духовно-учебной литературѣ давно уже ощущается недостатокъ въ подходящемъ руководствѣ по еврейскому языку. Безспорная важность изученія еврейского языка не только въ академіяхъ, но и въ семинаріяхъ давно уже признана руководителями нашего духовнаго просвѣщенія. Но для удовлетворенія этой потребности доселѣ сдѣлано чрезвычайно мало. До 1874 г. единственнымъ учебникомъ по еврейской грамматикѣ въ духовныхъ школахъ оставалась „Краткая еврейская грамматика“ извѣстнаго проф. прот. Г. П. Павскаго. Въ 1874 г. ее смѣнила изданная св. синодомъ „Еврейская грамматика“ Вильг. Гезеніуса въ переводѣ проф. К. Коссовича. Если не считать руководствъ, употребляемыхъ въ русскихъ еврейскихъ училищахъ (Р. Клячко и О. Н. Штейнберга), да нѣкоторыхъ рукописныхъ руководствъ, пользование которыми для практическихъ цѣлей преподаванія въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ по многимъ причинамъ неудобно и даже невозможно, грамматики Павскаго и Гезеніуса доселѣ оставались единственными пособиями, по крайней мѣрѣ, для учащихся. Такое явленіе и само по себѣ представляетъ мало отраднаго, особенно — если принять во вниманіе блестящее состояніе преподаванія еврейскаго языка въ другихъ странахъ, напр., въ сосѣдней намъ Германіи, гдѣ не только солидныя и ученые руководства и курсы, но и элементарные учебники появляются въ самомъ завидномъ изобиліи. А затѣмъ еще болѣе придется пожалѣть о скудости нашей учебной литературы по еврейскому языку, имѣя въ виду самыя свойства учебниковъ Павскаго и Гезеніуса. Первый настолько кратокъ, —

точно, даже конспективенъ, что безъ обильныхъ изустныхъ дополненій преподавателя не можетъ даже быть употребляемъ учащимися. Второй же не только чрезмѣрно обширенъ, — зло, съ которымъ справиться было-бы сравнительно еще легко, пропуская многіе второстепенные отдѣлы, — но и изложенъ методомъ въ дидактическомъ отношеніи весьма неудобнымъ, что, конечно, гораздо важнѣе ¹⁾. Учебникъ Гезені-

¹⁾ Изученіе еврейскаго языка у насъ въ Россіи сдѣлало пока такіе еще малые успѣхи и вообще такъ въ широко еще поставлено въ нашихъ школахъ, что мы, въ интересахъ понятности для большинства читателей, находимъ не лишнимъ свое замѣчаніе о методѣ Гезеніуса сопроводить поясненіями касательно существующихъ вообще методовъ изложенія и разработки еврейской грамматики. И мы надѣемся, что эти замѣчанія будутъ не лишены интереса и для нѣкоторыхъ преподавателей еврейскаго языка. Цѣль всякой еврейской грамматики, какъ это само собою понятно, состоитъ въ томъ, чтобы объяснить все явленія языка, наблюдаемыя въ сохранившемся до насъ текстѣ ветхозавѣтныхъ священныя книгъ. Къ достиженію этой цѣли ученые авторы еврейскихъ грамматикъ, имѣющихъ и доселѣ научное или учебное значеніе, идутъ очень различными путями. Но наиболѣе типичныхъ методовъ можно назвать три — 1. Во-первыхъ, здѣсь долженъ быть названъ методъ основателя дѣйствительно научной еврейской грамматики, *Вильгельма Гезеніуса* († 1842 г.), руководству котораго съ одного изъ поздѣйшихъ, переработанныхъ и дополненныхъ изданій переведено и на русскій языкъ и издано Св. Синодомъ. Гезеніусъ первый далъ строго научную классификацію грамматическому и лексическому матеріалу еврейскаго языка, подмѣтилъ и выставилъ специфическія особенности этого языка и тѣмъ далъ возможность дальнѣйшимъ изслѣдователямъ расширять его рациональное познаніе. Задачей грамматики въ руководствѣ своемъ 1817 года онъ поставляетъ объясненіе всехъ флексіонныхъ явленій языка изъ него самого; параллели же изъ другихъ языковъ онъ приводитъ здѣсь лишь для объясненія матеріальнаго элемента въ грамматикѣ. Такого же, въ сущности, метода держится и другой знаменитый гебраистъ нашего столѣтія, *Фридрихъ Бейтхеръ*, авторъ громаднаго двухтомнаго курса еврейской грамматики, — „Ausführliches Lehrbuch der hebr. Sprache“ 1866 г. (около 1500 страницъ), — обнимающаго одну только этимологию. О немъ справедливо замѣчаютъ, что онъ поставилъ своей задачей изгнать изъ еврейской грамматики такъ часто встрѣчающіяся въ наукѣ, но такъ нежелательныя въ ней „кажется“, „можетъ быть“, „иногда“ и успѣлъ въ этомъ. Все явленія языка съ такою ясностью и полною представляютъ въ его изложеніи свои теченія, что характеръ этихъ теченій самъ собою выдвигаетъ наружу неизбежно дѣйствующій законъ, то глубокое и коренное основаніе, изъ котораго они вытекаютъ. Методъ свой самъ Бейтхеръ характеризуетъ, говоря „я глубоко убѣжденъ, что еврейскій языкъ можно изучать не въ связи только съ другими, но что онъ имѣетъ жизнь и въ себѣ самомъ“, или, — какъ поясняетъ издатель его дру-

уса—прекрасное пособие для болѣе серьезнаго и спеціальнаго изученія языка, но не для начальнаго преподаванія. Профессоръ И. Г. Троицкій въ разсматриваемой своей грам-

матери, Мюлау, — еврейскій языкъ не только можно изучать безъ прочихъ семитическихъ языковъ, но это даже будетъ имѣть и свою долю пользы, потому что не сдѣласть нашего уметвеннаго взора неспособнымъ схватить специфическо-еврейское въ языкѣ и не вызоветъ искушенія толковать явленія еврейскаго языка по шаблону арабскаго (Vortede in B. II, S. S. III—IV). Этотъ методъ Гезеніуса и Беттхера можно назвать *аналитико-партикуляристическимъ*, или *эмпирическимъ*, потому что онъ, во первыхъ, направляется отъ частныхъ къ цѣлому, отъ явленій къ законамъ и, во вторыхъ, законы эти считаетъ возможнымъ извлечь изъ одного только самаго еврейскаго языка.—2. Представителемъ иного метода является извѣстный комментаторъ Ветхаго Завета и библейскій историкъ *Генрихъ Эвальдъ* († 1875 г.). Чтобы сдѣлать наглядными взаимную связь и внутренній ростъ явленій языка, онъ болѣе, чѣмъ кто-либо, въ своемъ „*Lehrbuch*“ (последнее изданіе было въ 1875 г.) въ фонетикѣ останавливается на взаимодѣйствіи согласныхъ и гласныхъ, а въ ученіи о формахъ, или частяхъ рѣчи старается прослѣдить влияние каждой словообразовательной тенденціи на различные роды корней. Онъ, такимъ образомъ, старается показать, какъ изъ различнаго матеріала, доставляемаго корнями языка, образуются именныя и глагольныя основы, какъ въ этихъ послѣднихъ обозначаются лицо, родъ и число, и какъ, наконецъ, становятся замѣтными — въ именахъ падежи, а въ глаголахъ времена и наклопенія. Экскурсамъ въ область сравнительной филологіи Эвальдъ, замѣтимъ кстати, придастъ довольно важное значеніе при установкѣ законовъ еврейскаго языка. Этотъ методъ можно назвать *синтетико-спекулятивнымъ*, или *раціональнымъ*, потому что всю сумму явленій языка онъ старается вывести изъ общихъ, заранее установленныхъ законовъ и представить въ системѣ, какъ проникнутую нѣкоторыми немногими движущими идеями. Эвальдъ былъ такъ убѣжденъ не только въ научныхъ, но и въ учебныхъ достоинствахъ своего метода, что самъ составилъ „Краткій учебникъ еврейскаго языка для начинающихъ“, выдержавшій при жизни автора четыре изданія. И въ нѣмецкомъ педагогическомъ мірѣ методъ Эвальда произвелъ настолько благопріятное впечатлѣніе что составители многочисленныхъ въ Германіи гимназическихъ учебниковъ начали слѣдовать ему.—3. Представителемъ третьяго метода можетъ считаться *Юстусъ Ольсгаузенъ*. Въ построеніи своего ученія о формахъ, или частяхъ рѣчи онъ во многомъ подражаетъ Эвальду. Но его существенное отличіе состоитъ въ томъ что онъ всюду старается формы библейскаго языка сводить къ древнѣйшимъ формамъ первобытнаго еврейскаго языка, явленія котораго и старается реконструировать въ 30 §§ своего учебника, -- съ одной стороны, по слѣдствію ихъ въ Библии, а съ другой, по аналогіи съ древне-арабскимъ языкомъ, признаваемымъ имъ за родную сестру древне-еврейскаго. Такую задачу свр. грамматики сознавалъ, впрочемъ, и раньше Ольсгаузена *Гунфельдъ*. Методъ Ольсгаузена, поскольку именно онъ отличается отъ метода Эвальда, можно назвать

матикѣ совершенно справедливо называетъ методъ Гезениуса „эмпирическимъ“ и говорить, что „собранный научный матеріалъ здѣсь только констатируется, но не объясняется изъ какихъ-либо определенныхъ законовъ семитической рѣчи“ (стр. 12). Для учащагося представляется зачастую чрезвычайно труднымъ осилить тѣ сложныя индукціи и въ особенности ту массу фактическаго матеріала, которыя приводятъ къ установкѣ извѣстнаго общаго правила; — поневолѣ приходится иногда брать правило памятью и на вѣру. Изъ преподавательскій опытъ показываетъ, что не только семинаристы, но и студенты академіи затрудняются изученіемъ

сравнительно историческимъ. Этотъ методъ также проникъ и въ гимназическіе учебники. — Таковы три типичныхъ метода обработки евр. грамматики. Такъ какъ каждый изъ нихъ имѣетъ свои несомнѣнныя достоинства, то естественно было явиться попыткамъ синтезировать лучшія стороны каждаго изъ грехъ или, по крайней мѣрѣ, двухъ (*Редшеръ* и *Каучъ*, *Нельсбахъ*, *Штаде*, *Кенигъ* и др.). Среди этихъ курсовъ смѣшаннаго характера есть тоже прекрасныя работы. (Характеристику методовъ евр. грамматики можно видѣть отчасти въ статьѣ М. В. Никольскаго въ „Прав. Обзор.“ 1881, ч. III: „Значеніе евр. яз. для филологіи и исторіи“, а главнымъ образомъ въ книгѣ *König'a* „Historisch-kritische Lehrgebäude d. hebr. Sprache“, S. S. 2—9). — Само собою понятно, что эти методы въ научной разработкѣ языка далеко не исключаютъ другъ друга, что и доказывается существованіемъ упомянутыхъ смѣшанныхъ методовъ. Дѣйствительно, *эмпирической*, напр. методъ не только не исключается *сравнительно-историческимъ*, а, пожалуй, даже прямо предполагается имъ, какъ одинъ изъ главныхъ своихъ элементовъ надо, конечно, изяснить формы евр. языка изъ него самого, но лишь тогда, когда существующія явленія языка оказываются недостаточными для такого объясненія; но разъ на извѣстный вопросъ изъ этихъ явленій нельзя извлечь вполне убѣдительнаго отвѣта, то, — само собою понятно, — надо обратиться или къ отдаленному прошлому библейскаго языка, къ его первобытнымъ формамъ, въ которыхъ съ большою вѣроятностью можно надѣяться найти объясненіе формъ позднѣйшихъ, или же къ параллельнымъ явленіямъ родственныхъ языковъ. *Синтетико-стекулятивный* или *раціональный* методъ также можетъ присоединиться сюда. Если даже въ изученіи природы въ общемъ индуктивнаго изслѣдованія считается всетаки *дедукція* — менѣе общихъ законовъ изъ болѣе общихъ или основныхъ — то тѣмъ болѣе это должно имѣть мѣсто въ изученіи языка, въ законахъ котораго, какъ явленія духовнаго, естественно предположить болѣе рациональности. Но иное дѣло — научная разработка и иное дѣло — элементарное преподаваніе. Въ послѣднемъ, напр., сравнительно-историческій методъ совершенно непригоденъ, эмпирической — почти тоже, а раціональный требуетъ своеобразнаго видоизмѣненія въ дидактическихъ пѣляхъ.

емъ Гезеніуса. Понятно отсюда, съ какою радостью должны привѣтствовать преподаватели еврейскаго языка всякую попытку сдѣлать хоть какой-нибудь вкладъ въ учебную литературу этого предмета, а въ особенности — попытку такого солиднаго гебраиста и авторитетнаго ученаго, какъ проф. П. Г. Троицкій.

По своему объему и своей внѣшности Грамматика проф. Троицкаго возбуждаетъ большія надежды на свою учебную пригодность. 150 страницъ in 8° очень четкаго и даже изящнаго текста способны порадовать всякое преподавательское сердце и не запугать ученика необъятностью предстоящей ему работы. А если преподаватель, хорошо ознакомившись съ книжкой, увидитъ, что объемъ самыхъ необходимыхъ изъ содержащихся въ ней свѣдѣній сводится менѣе, чѣмъ къ сотнѣ страницъ, — а это есть и на самомъ дѣлѣ, — то, конечно, согласится признать новый учебникъ пріятнѣйшимъ пріобрѣтеніемъ для нашей духовной школы. Вѣдь такой учебникъ могутъ превосходно выучить и семинаристы въ годъ при двухъ всего недѣльныхъ урокахъ! Какъ близкимъ кажется тутъ осуществленіе дѣвнишнихъ и совершенно законныхъ *ria desideria* академическихъ преподавателей, чтобы вновь поступающіе студенты приносили съ собою изъ семинаріи хоть какія-нибудь твердыя знанія по еврейскому языку, а не должны были въ академіи начинать съ азовъ, что совершенно не гармонируетъ съ характеромъ высшаго академическаго образованія! Какъ облегчилось-бы при этомъ дѣло преподавателя Ветхаго Завѣта — и въ академіи, гдѣ при назначеніи научныхъ работъ студентамъ приходится весьма серьезно считаться съ ихъ филологическимъ невѣжествомъ, и въ семинаріи, гдѣ доселѣ даже простыя чисто догматическія ссылки на еврейскій текстъ считаются почти невозможной роскошью преподаванія! А насколько необходимо и часто требуется обращеніе къ еврейскому оригиналу, это, къ сожалѣнію, знаютъ вполне только преподаватели Ветхаго Завѣта, да, пожалуй, нѣкоторые противосектантскіе миссіонеры (отъ послѣднихъ намъ лично приходилось не разъ слышать подобныя заявленія). Грамматика проф. Троицкаго, при своемъ маломъ объемѣ, не только не страдаетъ какими-либо существенными недочетами въ содержаніи, а даже, какъ мы сказали,

можетъ быть безъ ущерба для дѣла и еще сокращаема. По своимъ внутреннимъ качествамъ она является, на нашъ взглядъ, прекраснымъ учебникомъ, вполне пригоднымъ для преподаванія и лишь въ малой степени неудобнымъ для самообразованія. Впрочемъ, послѣдняго рода неудобства легко устранимы легкой переработкой при новомъ изданіи, которое, надѣемся, окажется нужнымъ.

Разсматриваемый учебникъ начинается съ введенія, гдѣ сообщаются свѣдѣнія о названіи еврейскаго языка (стр. 1—2), о мѣстѣ его въ ряду другихъ языковъ (стр. 2—3), о его памятникахъ (стр. 3—5), способѣ изученія (стр. 5) и исторіи евр. грамматики въ христіанскомъ мірѣ (стр. 5—15). Составъ самаго курса, какъ и обыкновенно, — трехчастный: 1) ученіе о письмѣ и чтеніи съ присоединеніемъ главнѣйшихъ данныхъ фонетики (стр. 15—46), 2) этимологія (стр. 46—128) и 3) синтаксисъ (стр. 128—150). Со стороны полноты сообщаемыхъ въ каждой части свѣдѣній книга почти не оставляетъ желать ничего большаго. Притомъ свѣденія эти не отличаются чрезчуръ элементарнымъ характеромъ, а напротивъ, нерѣдко сопровождаются учеными ссылками историческими и сравнительно-лингвистическими. Не мало также и научно-литературныхъ указаній. Поэтому, пока въ семинаріяхъ еврейскій языкъ не сталъ обязательнымъ, учебникъ проф. Троицкаго смѣло можетъ быть употребляемъ, какъ *repetitorium* и студентами академій. Не входя въ подробности плана и содержанія, мы считаемъ не лишнимъ отмѣтить въ этимологіи, какъ выгодное отличіе проф. Троицкаго отъ Гезеніуса, — что онъ ученіе объ имени излагаетъ раньше глагола. Это въ дидактическомъ отношеніи весьма полезно, потому что даетъ возможность скоро, не пройдя еще всей этимологіи, начать подъ руководствомъ преподавателя опыты разбора библейскаго текста, что безъ знакомства съ именемъ было-бы весьма затруднительно. А между тѣмъ ничто такъ не укрѣпляетъ знанія языка, какъ частыя и обширныя практическія работы надъ текстомъ. Вообще-же перечислять подробно достоинства книги проф. Троицкаго мы считаемъ излишнимъ, ибо для этого намъ пришлось-бы повторять азбучныя истины объ обязательныхъ качествахъ хорошаго учебника и констатировать, что почти каждое изъ нихъ имѣется

у автора. Гораздо болѣе полезнымъ мы считаемъ указать нѣкоторые недосмотры книжки и желательныя улучшенія въ ней, увѣренные, что эти указанія нисколько не оставятъ въ глазахъ читателей ея выдающихся учебныхъ достоинствъ. Мы съ искреннимъ удовольствіемъ и полнымъ вниманіемъ протудировали ее и чѣмъ болѣе укрѣплялись мы въ своемъ высококомъ мнѣніи о ней, тѣмъ болѣе необходимѣе казалось намъ отмѣтить тѣ немногіе ея недостатки, которые въ прекрасной работѣ болѣе бросаются въ глаза и болѣе нежелательны, чѣмъ въ заурядной.

Мы сказали, что для самообразованія учебникъ проф. Троицкаго не совсѣмъ удобенъ. Неудобства эти, конечно, ничего не стоитъ устранить при преподаваніи. Но кто самъ захотѣлъ-бы поучиться евр. языку по этой книжкѣ, тотъ не разъ былъ-бы поставленъ въ затрудненіе. Такъ, напр., въ 1-й части, въ ученіи о произношеніи буквъ (стр. 21) учащійся едва-ли могъ-бы себѣ ясно представить, какая разница между **א** и **אָ**. „Изъ гортанныхъ буквъ, читаемъ мы здѣсь, **א** произносится, какъ греческое тонкое дыханіе, слышимое въ началѣ словъ *Ἄβραμ, Ἄβραμ, Ἀβραμῆλεξ* и под. **אָ** — какъ греческое дыханіе слышимое въ началѣ словъ *Ἄρελ, Ἄραρ, ἀλλήλοισα*. Въ чемъ-же тутъ разница? А между тѣмъ **א** и **אָ** — не одинъ и тотъ-же звукъ. Въ ученіи о гласныхъ звукахъ (стр. 23) понятія „возвышенія“ и „ниспаденія“ гласнаго звука, приведенныя безъ всякаго поясненія, конечно, поставятъ въ тупикъ начинающаго. Въ ученіи о гласныхъ знакахъ не сказано, какъ узнать камець-хатуфъ (ср. стр. 27 и 43). А какъ это затрудняетъ учащихъ, — знаютъ прекрасно всѣ преподаватели ¹⁾. Точно также не указано, какъ узнать сильный дагешъ въ **אָ בְּ בְּ בְּ** (стр. 34. 36). Утвержденія, что „подвижная шва называется шва слогоначинательная“ (стр. 33), и что „шва, хотя-бы и сложная, не дѣлаетъ слога“ (стр. 41), спутаютъ учащагося своей противорѣчивостью. Вообще, самостоятельно выучиться читать по учебнику проф. Троицкаго едва-ли возможно. Къ сказанному прибавимъ еще, что учащійся не выяснитъ себѣ

¹⁾ Кстати замѣтимъ, что для правилъ камець-хатуфа есть отличный мнемоническій стихъ, который мы рекомендовали-бы вниманію учащихся „Ante Schewa, Dagesch, Mackeph, nisi signa monebunt, Ante palem, similenive O breve Qames erit“ (Böttcher)

чтенія буквы ׀ съ холемомъ, шурекомъ и дагешемъ или сочетанія ׀ ׀ —

Въ изложеніи фонетики нѣтъ о подразумѣваемомъ дагешѣ и его громадномъ вліяніи на вокализацию. Весьма важное ученіе объ измѣненіи гласныхъ (стр. 44—45) изложено не съ достаточной отчетливостью и полнотой. Здѣсь не указаны точно правила сокращенія гласныхъ и правила удлинненія. А безъ знакомства съ этими правилами невозможно сознательный этимологическій анализъ. Не объяснено здѣсь и того, часто встрѣчающагося въ Библии явленія, что шева предъ шевой съ іодомъ переходитъ въ хирекъ магшим (עֲשֵׂה לִי) и т. п.

Въ этимологii правила о вокализациі члена (стр. 64) изложены нѣсколько сбивчиво. Вокализациа префиксовъ ל, ע, ו и ׀ разъяснена недостаточно точно. Въ ученіи о глаголѣ разсужденія о спряженіи глагола и формахъ построенія глагольнаго корня (стр. 81—91) темны и сбивчивы, языкъ ихъ слишкомъ отвлеченъ и по мѣстамъ даже философиченъ. Въ ученіи о соединеніи глагола съ мѣстоименными суффиксами недостаточно разъяснены измѣненія глагола и употребленіе той или иной соед. гласной (стр. 106—107).

Менѣ всего желательное въ учебникѣ явленіе — опечатки—встрѣчаются иногда у проф. Троицкаго (стр. 3. 12. 80. 139. 154. 47 и др.).

Въ научномъ отношеніи книгу упрекнуть за что-либо трудно. Жаль только, что авторъ слишкомъ поверхностно касается вопроса о происхожденіи еврейскаго алфавита (стр. 19), о чемъ можно-бы было сказать болѣе опредѣленнаго и интереснаго. Напрасно также онъ опустилъ весьма важный отдѣлъ объ источникахъ нашего знакомства съ древне-еврейскимъ произношеніемъ.

Мы указали нѣкоторые недостатки книги проф. Троицкаго. Вообще говоря, ихъ въ книгѣ мало, и всѣ они суть собственно мелкіе и легко устранимые недочеты, чувствительные не столько въ практикѣ школьной, сколько въ автодидактической. А въ заключеніе мы еще разъ и отъ души привѣтствуемъ появленіе этого прекраснаго и весьма полезнаго учебника.

П. Тихомировъ.